

БЕЛОВ В.Н.,
доктор философских наук, профессор

ПОТАЕННЫЙ ХРИСТИАНСКИЙ ПРАВЕДНИК XX ВЕКА С.И. ФУДЕЛЬ

По очень точному определению одного из современных рецензентов произведений Сергея Иосифовича Фуделя, в лице последнего мы имеем потаенного христианского мыслителя, «который соединил русский религиозный ренессанс начала XX века с нашими днями»¹. Действительно, Фудель успел узнать и Церковь государственную, и Церковь гонимую и своими размышлениями о проблемах Церкви с большой буквы связал и ту, и другую. Характерной деталью этих размышлений является то, что у него нет мысли о какой-то особой специфике и сложности жизни Церкви во времена гонений на нее, так как ее жизнь глубже и потаеннее тех внешних обстоятельств, в которых она вынуждена существовать в истории.

Испытание веры

Сергей Иосифович Фудель родился буквально на рубеже веков, 31 декабря 1900 года (по новому стилю — 13 января 1901 г.), в семье протоиерея Иосифа Фуделя. Отец был неординарным человеком и оказал решающее влияние на воспитание сына в православном духе. В своих «Воспоминаниях» С.И. Фудель приводит такие строки

¹ *Шевелев И.* Книга собеседника. Потаенный мыслитель XX века // Российская газета. 2005. 25 апреля.

о своем отце из произведения «Хроники моей жизни» архиепископа Саввы Тверского: «Священник Фудель — интереснейший человек, внук немца заграничного, женившегося на русской, и сын отца православного по матери, но плохо говорившего по-русски. Окончил он курс в Московском университете по юридическому факультету, прослужил 3–4 года в Московском окружном суде, женился, съездил в Оптину пустынь два лета кряду и, с благословения почившего старца Амвросия, бросил службу, полгода учился церковным наукам в Вильне под руководством почившего архиепископа Алексия и рукоположен им священником в Белосток... Это мастер служения и замечательный проповедник»².

Иосиф Фудель — один из немногих священников XIX столетия, вышедший не из духовного звания, а из интеллигенции, сочетал в себе высокую образованность с глубиной веры, за что не раз оказывался отторгаем как со стороны интеллигенции, так и со стороны священнослужителей. Он долгое время служил в качестве священника в московской Бутырской тюрьме, затем — настоятелем церкви Николы в Плотниках на Арбате, был лично знаком с К. Леонтьевым и отцом Павлом Флоренским. «В краткой формуле, — отмечает С.И. Фудель, — можно было бы так охарактеризовать всю совокупность его пастырской, проповеднической, литературной и школьной деятельности: апология чистого христианства»³.

Именно благодаря отцу С.И. Фудель еще в молодости смог познакомиться с монастырской жизнью Оптиной и Зосимовой пустыней, Толгского и Николо-Бабаевского монастырей, пообщаться со старцами и на всю оставшуюся жизнь сохранить то чувство, которое возникало в нем во время монастырских служб. «Если отдать себя им вполне

² Фудель С.И. Воспоминания // Собр. соч.: В 3 т. Т. 1. М., 2001. С. 22.

³ Там же. С. 25.

и доверчиво, — вспоминает С.И. Фудель, — то такое чувство, будто сел в крепкую ладью и она вздымает тебя по волнам выше и выше. Тебе и страшно немного, и в то же время так хорошо»⁴.

23 июля 1922 года после окончания первого курса философского факультета Московского университета Фудель был арестован. После Лубянки и Бутырской тюрьмы в декабре отправлен по этапу через Вятку в Усть-Сысольск (ныне Сыктывкар). На этапе и в ссылке близко общался с такими выдающимися иерархами Русской Церкви, впоследствии прославленными в лике новомучеников, как митрополит Казанский Кирилл (Смирнов), архиепископ Фаддей (Успенский), епископ Ковровский Афанасий (Сахаров). 23 июля 1923 года в ссылке, на квартире владыки Афанасия (Сахарова), состоялось венчание Сергея Фуделя с Верой Максимовной Сытиной.

1 января 1933 года последовал новый арест и ссылка сначала на лесозаготовки в Архангельскую область, затем в Вологду.

После работы в Загорске и службы в армии в годы Великой Отечественной войны 17 мая 1946 года Фуделя ждал третий арест и ссылка в Красноярский край, где он находился до июля 1951 года.

После отбывания ссылки, ввиду отказа в московской прописке, Фудель с семьей обосновался сначала в городе Усмани Воронежской области, затем на короткое время переехал в город Лебедянь Липецкой области, затем вновь в Усмань.

14 ноября 1962 года по благословению епископа Афанасия Фудели переехали в город Покров Владимирской области, где Сергей Иосифович провел последние годы своей жизни. Он служил псаломщиком в единственной на всю округу старинной церкви. Здесь же написал большинство своих работ.

⁴ Фудель С.И. Воспоминания. С. 17.

С.И. Фудель скончался 7 марта 1977 года в Покрове после долгой и тяжелой болезни и похоронен 9 марта на местном кладбище. В 1988 году здесь же была погребена и его супруга.

Произведения Фуделя начали публиковаться еще при его жизни за границей, в России такое стало возможно только начиная с 1991 года.

Тесный и скорбный путь христианина

Если выделять главную тему всех произведений С.И. Фуделя, а таковую действительно выделить не трудно, то это постоянное изобличение внешней церковности, обрядоверия и напоминание о том, что христианство — это тяжелый труд и жертвенная любовь и в то же время радость преодоления смертности жизни через общение со Христом.

Прежде всего С.И. Фудель подчеркивает радикальность для человека христианского выбора. Человек должен не просто стремиться спастись и обрести жизнь вечную, такое стремление — сознательное или не всегда ясно сознаваемое — есть у каждого человека, хотя бы в качестве животного инстинкта самосохранения. Более «высокое» стремление подкрепляется конкретными действиями в создании вариантов бессмертия, которые можно условно разделить на менее эгоистические — через семью и продолжение своего рода в детях или через творчество и свои произведения, учеников и почитателей и более эгоистические — попытки изобретения так называемого «эликсира бессмертия» в самых разных видах от клонирования до замены отдельных «устаревающих» органов на новые. Христианин должен победить само «бытие к смерти» и приобрести бытие к Жизни. Такого понимания христианского выбора, вынужден с сожалением констатировать

Фудель, не достигают и многие верующие и даже верующие из интеллигентских слоев.

Всецелостное изменение самого себя возможно лишь благодаря вере. С.И. Фудель стремится объяснить и прояснить феномен веры своим детям и друзьям, вероятно, осознавая, что делится самым сокровенным и не до конца передаваемым с помощью слов.

«Доказать веру нельзя, — говорит он, — можно только показать живым дыханием правды. Убедить можно только убедительностью своего личного счастья в ней, заразительностью своего божественного веселья веры. Только этим путем передается она, и для этой передачи рождаются слова духоносные. Поэтому-то так трудно “наставление Господне”. Надо иметь “власть” для наставления, живую и горячую веру и — еще раз скажу — убедительность своего личного счастья в ней»⁵.

По мнению Фуделя, феномен веры точнее всего раскрывается через два других феномена, а именно духовности и святости. На первый взгляд кажется, что данный подход не только не разъясняет, но скорее еще больше затемняет понимание веры. Однако как для понимания такого подхода, так в еще большей степени для его обретения необходим опыт веры. И Фудель не скрывает, что подобная связь трех названных феноменов открылась ему не сразу. Чувство этой связи долго искало подходящего определения. Апостольские слова открыли Фуделю понимание истинной веры, которая «есть уверенность в невидимом духовном мире Духа Божия и уже осуществление жизни в нем»⁶. Христианский мыслитель делится с читателем пониманием того, что истинная «вера есть горечь очищения и блаженство познания, подвиг и благодать, ощущаемая сердцем, труд искания ее при утрате и ясная достоверность личного счас-

⁵ Фудель С.И. Моим детям и друзьям // Собр. соч. Т. 1. С. 229.

⁶ Там же. С. 232.

т্যা вкусивших ее божественного вина. Она есть вера-любовь, осуществляющая хоть в малом луче — залого обручения — ожидаемое Царство Божие»⁷.

С.И. Фудель приводит еще одно определение, без которого феномен веры не понять, это — «труднейший» труд. В одном из писем из ссылки своему сыну Николаю, отвечая на его вопрос о способах преодоления внутреннего притупления, он заключает: «В этом и есть вера — хранить в себе невидимое как величайшую видимую реальность, блюсти в себе всегда какую-то чашу, чтобы она была готова принять божественное вино, которое в нее прольется тогда, когда ему будет угодно,— не по моим заслугам, а (по совсем иным законам духа) по любви Божией.

Так вот, в этом “всегда” и заключается самый главный труд... Во всегдашнем искании Бога, в постоянной неудовлетворенности, в алчной жажде божественного питья, в этом постоянстве толкания дверей — и заключается трудность труда»⁸.

Вера разъединяет человека с миром, дает понимание возможности иного Царства, иной Жизни, чтобы очистившийся от греха человек вновь обрел единство, то единство, которое навсегда. «Весь Новый Завет,— отмечает Фудель,— об этом переходе из душевности в духовность, о переходе в Новое Царство Духа. Вот почему христианство и есть учение о Царстве Божием, вот почему проповедовать христианство — это значит звать к созданию всего нового, духовного человека, а не к прививанию на нем некоторых отдельных благочестивых навыков или чувств»⁹.

Отечественный христианский мыслитель объясняет естественность «отречения от мира» верующего как

⁷ Фудель С.И. Путь Отцов. М., 1997. С. 398.

⁸ Фудель С.И. Письма (Письмо № 22 Н.С. Фуделю) // Собр. соч. Т. 1. С. 303.

⁹ Фудель С.И. Моим детям и друзьям. С. 246.

отречения от мира греха, мира собственного эгоизма для обретения мира любви и сострадания: «Очень нужно понять, что христианское отречение от мира не только не есть отречение от любви к миру, но, наоборот, ее первое истинное утверждение. Я сознательно сказал “к миру”, хотя можно было бы сказать “к людям”, и тогда никто не был бы смущен и не привел бы мне текст апостола: *Не любите мира* (1 Ин. 2, 15). Этот текст помнят, не понимая его, а другой текст и не помнят и не понимают: *Бог возлюбил мир* (ср.: Ин. 3, 16). Бог возлюбил, а вот мы не любим, а потому и не хотим соучаствовать в том, о чем говорится дальше в этом тексте: *Ибо так возлюбил Бог мир, что отдал Сына Своего...*

Не любить мир означает не любить прежде всего самого себя, свою темноту и грех, это означает прежде всего осознать самого себя как этот самый мир, нелюбящий и темный. И тогда в такой не-любви к миру в человеке начинает восходить заря любви к людям, великого сострадания к миру»¹⁰.

Обращается С.И. Фудель и к такой проблеме, как взаимосвязь веры и страха Божия. Он не сомневается в том, что наличие страха Божия является очевидным показателем наличия веры, которая только через любовь приобретает свой истинный смысл. Согласно Фуделю, именно «страх Божий — от веры, а не наоборот, то есть вера — от страха или “со страха”, как думают некоторые боязливые... Страх Божий есть *начало премудрости* (Сир. 1, 5), но не начало веры. Начало же веры — любовь. Вне любящей веры мы остаемся с верой бесовской...»¹¹.

Главную тему всего своего творчества в отношении феномена веры отечественный мыслитель раскрывает, выделяя два вида веры: веру как обычай, как удобную привычку и веру как ощущение, как предчувствие. «Нам всегда удоб-

¹⁰ Фудель С.И. У стен Церкви // Собр. соч. Т. 1. С. 125.

¹¹ Там же. С. 137.

нее пребывать в первой, — заключает он, — каков бы ни был в нас этот обычай — бытовой или рациональный, как у сектантов. Обычай ни к чему духовно трудному не обязывает. Вера-ощущение требует подвига жизни: труда любви и смирения. И только она дает ощущение Церкви, которого в нас так ужасно мало, о котором мы часто даже и не слышали»¹².

Церковь и первохристианство

Подтверждением наличия в человеке неистинной, как бы веры в Бога, по мнению С.И. Фуделя, служит его отрицание Церкви. «Секрет того, — подчеркивает он, — что иногда люди верующие как бы принимают Бога, но не принимают Церкви, в том, что в них нет, по существу, еще и веры в Бога. Они тоже в категории “как бы верующих” и на самом левом фланге. Церковь есть собрание учеников Христовых. Как же я, возлюбив своего Учителя, не возлюблю Его учеников, как же рука моя в холодной и беспросветной ночи земного странствия не будет искать для опоры их теплой руки? Это явная логическая бессмыслица, только доказующая, что веры в Господа и любви к Нему, как Живому Учителю и Другу, в человеке еще нет»¹³.

Отечественный мыслитель не перестает повторять, что Церковь не является организацией современной цивилизации, направленной на достижение комфортности существования человека, еще одним институтом «гражданского общества», выступающим за социальную справедливость. Настоящая Церковь как раз противостоит гуманизму, потому что ее задачи — помочь человеку пройти путем Христа, то есть путем Голгофы. «Быть в Церкви — это значит вступить на тесный и скорбный путь Христов, и как мало дерзающих на это! — констатирует Фудель. — Сколь же легче сидеть “около церковных стен” на солнышке, слушать

¹² Фудель С.И. Воспоминания. С. 107–108.

¹³ Фудель С.И. Моим детям и друзьям. С. 250.

птичек и, покуривая, размышлять без особого труда об этой тесноте и скорбности. Такие мы, как бы верующие»¹⁴.

И только истинно верующий способен и понимать истинный смысл Церкви, и разбираться в проблемах, которые постоянно возникают как внутри самой Церкви, так и вне ее. Особую сложность и опасность, согласно Фуделю, представляют те проблемы, которые рождаются внутри самой Церкви вследствие потери первоначальной связи с Христом, в результате чего появляется имитация христианства как эрзац настоящей жизни с Господом. Ссылаясь на мнение отца Валентина Свенцицкого, С.И. Фудель видит выход из подобных ситуаций не в обвинениях в адрес Церкви и тем более не в отпадении от нее, а в ясном осознании того, что все «искаженное, нечистое, неправильное, что мы видим в церковной ограде, не есть Церковь...»¹⁵.

В отношении исполнения устава Церкви также, согласно отечественному христианскому мыслителю, необходимо понимание, что это не догма, а его верное исполнение может быть только в любви: «Опасность устава начинается тогда, когда забывается его историческая условность и его начинают как бы догматизировать, возводить в догмат. Тогда и возникает это “сцеживание комаров и поглощение верблюдов”, то есть подмена христианства ветхозаветной обрядностью.

Уставом нельзя пренебрегать, но всегда при этом надо помнить: *суббота для человека, а не человек для субботы* (Мк. 2, 27) устава, то есть во имя любви к людям устав можно изменять. В этом смысле отец Алексей Мечев и говорил: “Любовь выше устава”...

Сочетание свободы с уставом возможно только через духовность, через стяжание Святого Духа»¹⁶.

¹⁴ Фудель С.И. Моим детям и друзьям. С. 241.

¹⁵ Фудель С.И. У стен Церкви. С. 122.

¹⁶ Там же. С. 133.

Тема экуменизма, которая с середины прошлого века начинает активно обсуждаться и в Русской Православной Церкви, только на первый взгляд кажется связанной с внешней задачей Церкви и только на первый взгляд кажется действительно насущной и отвечающей «злобе дня»: силам секуляризма необходимо противопоставить объединенные христианские силы. С.И. Фудель обращает внимание как раз на то, что усиление экуменистических настроений является показателем ослабления внутреннего единства верующих с Господом.

В Церкви мыслитель видит прежде всего осуществление единства людей в Святом Духе, которое и есть настоящее христианское единство. Он уверен в том, что христиане соединятся «не “экуменически” и не “организационно”, а только благодатно. Если будет в них жить благодать, то она научит и организации. А для стяжания благодати нужны не съезды, а подвиг святости, который состоит в личном покаянии и в личной любви к Иисусу Христу»¹⁷.

Первохристианство и аскетическая традиция

При всем пиетете к монашеству и монастырям, С.И. Фудель все же считал «монастырь в миру» более правильной христианской организацией по двум причинам: это количество задействованных людей и историческая обусловленность. «“Монастырь в миру”, или “белое монашество”, — писал он, — есть утверждение узкого пути Евангелия для всех, а не только для небольшого количества людей, находящихся за монастырской оградой, он есть попытка осуществления полноты христианства в гуще мира, а тем самым он есть всего только возвращение к первохристианству. “Монастырь в миру” никто не придумывал, его потребовала история Церкви, конец которой смыкается с началом»¹⁸.

¹⁷ Там же. С. 204.

¹⁸ Там же. С. 159.

Для разъяснения своей позиции и для того, чтобы «дать современному христианину, живущему “в миру”, сборник для чтения по монашеской аскетике, вне которой непонятно то первохристианство, к которому, очевидно, будет возвращаться ход церковной истории», С.И. Фудель предпринимает исследование «Путь Отцов», первоначальная редакция которого была завершена в 1957 году. А уже в 1958-м старец-епископ Афанасий (Сахаров) пишет автору: «Милость Божия буди с Вами, милый и дорогой мой Сереженька... Господь да поможет Вам шествовать “путем Отцов”... Идея “монастыря в миру” для меня особенно дорога, и пропаганду ее я считаю совершенно необходимой... Ваша книга — прекраснейшее богословское обоснование возможности “монастыря в миру”, — что писания отцов-аскетов могут быть полезны не только монахам, но и мирянам... Я очень бы хотел, чтобы Ваша книга была напечатана. Знаю, что теперь это нелегко. Но если Вы разрешите, я попытаюсь нащупать почву... С любовью обнимаю Вас и лобызаю, и паки прошу прощения. Спасайтесь о Господе. С любовью, богомолец Ваш, епископ Афанасий»¹⁹.

Определяющей для всех христиан, без сомнения, является любовь к Богу. С.И. Фудель стремится показать, в чем именно эта любовь находит свое воплощение, каковы ее аспекты, этапы становления, стадии роста, основные характеристики и, наконец, какова же она, совершенная любовь.

Так, отечественный мыслитель подчеркивает захваченность любовью к Богу всего человека целиком, называя первоначальную силу любви памятью Божией, которую он через святых отцов определяет «как жизнь человеческого духа, возлюбившего своего Бога и стремящегося к постоянному единению с Ним»²⁰.

¹⁹ Фудель С.И. Воспоминания. С. 76.

²⁰ Фудель С.И. Путь Отцов. С. 7.

Жизнь человеческого духа, возлюбившего Бога, отличается от обычной жизни, согласно Фуделю, тем, что первая имеет измерение вечности, а вторая — временности. Поэтому происходит радикальная перестройка всех жизненных основ, а не простое улучшение каких-то отдельных характеристик привычной для подавляющего большинства людей жизни. Да и любовь к Богу не заменишь никакими внешними проявлениями, например регулярными посещениями Церкви, следованием нравственным правилам, молитвами и поклонами. По убеждению С.И. Фуделя, она затрагивает более глубинные измерения человека, приводя к перестройке всего его существа.

Согласно отечественному христианскому мыслителю, любовь к Богу неразрывно связана с верой, и такое двуединство любви-веры лежит в основании как начальной любви, так и любви совершенной. Любовь-вера наставляет человека на путь исполнения евангельских заповедей, а их совершенное исполнение приводит к совершенной любви святых.

Помимо веры Фудель выделяет еще одну необходимую характеристику любви к Богу, без которой она остается не объясненной до конца, — это смирение. Таким образом, становятся взаимосвязаны три основных понятия, заключенные в любви к Богу, взаимно друг друга укрепляющие, объясняющие и не существующие друг без друга: собственно любовь, вера и смирение. «Поэтому можно сказать, — заключает мыслитель, — что христианство и в истории и в человеке начинается не только с любви, как сокровенного зеркала веры, но и с покаяния, со смиренного осознания своей вины — греха перед Богом»²¹.

Понятно, что любовь к Богу не может не быть всепоглощающей. Как нельзя быть наполовину мертвым, так же нельзя с источником жизни быть наполовину живым. Однако всецелая любовь к Богу связана с отвержением мира страстей.

²¹ Там же. С. 31.

Таким образом, обретение христианского пути С.И. Фудель вслед за отцами Церкви считает удостоверенным в триедином чувстве веры: любви, смирения и отречения.

Показателем наличия в человеке веры, по мнению отечественного мыслителя, является возникновение страха Божия. Причем он различает два вида такого страха: новоначальный и совершенный. «Первый страх — это страх потерять за свои грехи свое вечное счастье и вместо него обрести вечные муки»²². «Другой страх (совершенный) сопряжен с самой любовью, производя в душе благоговение, чтобы она от дерзновения любви не дошла до пренебрежения Бога»²³. Первый страх преодолим в отличие от второго, первый страх есть страх раба, второй — друга.

Все учение о христианском пути, который святые отцы называют подвигом, согласно Фуделю, сводится к трем родовым понятиям совершенства, которые теснейшим образом связаны друг с другом и являются реализацией полноты любви к Богу: «Три родовых понятия совершенства — любовь к людям, воздержание и молитва — сливаются в единый образ пути, будучи сами развитием того триединого чувства, которое образовалось в человеке к Богу: любви к Нему, смирения пред Ним и отречения от мира для Него. Любовь к Богу доказывает себя любовью к людям, смирение перед Ним обретает дыхание в молитве, отречение от мира для Него отрывается от зла в воздержании. Свеча, зажженная перед Богом, загорается тройственным отсветом в душе человека. Если человек неложно возлюбил своего Господа, то так же искренно он пойдет к этим трем образам совершенства, сознавая их как единый путь к Нему. Это и есть принятие в подвиге любви всего Евангелия, когда оно становится единым законом неделимого совершенства»²⁴.

²² Фудель С.И. Путь Отцов. С. 64.

²³ Там же. С. 66.

²⁴ Там же. С. 92.

Однако одному только человеку не под силу осуществить этот тройственный образ совершенства; необходима благодать Божия, в сочетании с которой единственно и реализуем путь христианина. Именно необходимость благодати делает спасение человека не заслугой его усилий, но непредсказуемым даром, непредвиденной радостью, неизреченной любовью Бога к человеку.

Воздержание несправедливо рассматривать только как стремление человека к самоистязанию своего тела. Опираясь на многочисленные мнения святых отцов, С.И. Фудель объясняет основные мотивы подвига воздержания, которые ничего общего не имеют с пренебрежительным отношением к телесности. Значение воздержания на самом деле выходит далеко за рамки разговора о человеческом теле. Согласно отечественному мыслителю, воздержание есть совершенное оружие для борьбы со своей гордыней и самолюбием: «Чтобы не иссякла любовь к другим, чтобы через победу над гневом, гордостью выйти на дорогу любви к людям, — человек должен уменьшить свою любовь к себе, должен надеть на себя узду воздержания»²⁵.

Фудель выделяет две стороны воздержания, отвечая на несправедливые обвинения христианской аскетики в отрицании телесности: освобождение от страстей не только души, но и тела. Истинную задачу аскетики он видит «в том, чтобы научить человека отделить страсти не только от мыслей, но и от тела, для того чтобы то и другое — и тело и душа человека — сделались подобными вечной душе и вечному телу своего Учителя»²⁶. Другое объяснение в отношении христианства к телесности свело бы на нет значение для человека телесных страданий и телесного Воскресения Христа.

С воздержанием непосредственно связана способность терпения, которая также в нерелигиозной среде имеет мало

²⁵ Там же. С. 131.

²⁶ Там же. С. 138–139.

общего с тем, что вкладывают в нее христианские подвижники. Высокая оценка способности терпения, согласно отечественному мыслителю, обусловлена тем, что она является показателем любви: чем больше человек способен терпеть, тем сильнее в нем чувство любви. Однако нельзя понимать способность терпения как бессилие и пассивность человека. Фудель подчеркивает, что отцы определяют терпение «не как какую-то пассивную придавленность, а как активную творческую силу, — “основание мужественных доблестей”. Терпение есть мужество верной души, несущей в себе любовь Божию. В этой верности любви — его непобедимая сила»²⁷.

Еще одним, не менее важным показателем истинной любви, который С.И. Фудель, повторяя мнение святых отцов, называет «предтечей любви», является смирение. «Основное чувство, — замечает он, — возникающее при чтении отцов о покаянии, смирении и “радостотворном плаче”, то, что этот путь не только единственно истинный, но что он и единственно безмерный. Нет предела смирению, так как оно вливается в любовь. Всякая остановка на этом пути, всякое сознание, что “с меня довольно”, или “я уже устал”, или “я уже богат”, — есть доказательство неверия, нелюбви и гордости. Силы дает Бог, любовь к Нему ненасытна, — а смирение никогда не почувствует себя богатым»²⁸. Смирение христианский мыслитель предлагает отличать от ложного умиления, которое само себя разоблачает гневом, лишаящимся силы в смирении-любви.

Главным оружием в духовной брани, значение которого трудно переоценить, является молитва. С.И. Фудель показывает «лестницу» молитвенного подвига, которая имеет свои ступени и степени, «начиная от первого искреннего лепета Богу до высших ее степеней и озарений, доступных только святым...»²⁹.

²⁷ Фудель С.И. Путь Отцов. С. 213.

²⁸ Там же. С. 245.

²⁹ Там же. С. 293.

Отечественный мыслитель решительно выступает против все более распространяющегося и среди христиан мнения о том, что для молитвы необходимо соответствующее настроение. «В христианстве настроение одно,— парирует он,— труд, и вся духовная жизнь основана на духовном труде, более реальном, чем физический. В молитве не “настроение” предшествует, а благодать Божия может, по своему произволению, или предшествовать молитве, или последовать за ней, или совсем не обнаружить себя, в зависимости от состояния молящегося или для испытания чистоты и смирения его молитвенного подвига»³⁰.

Постепенное привыкание к молитвенному труду приводит к изменению характера самой молитвы: она становится, во-первых, менее сложной, а во-вторых, менее многословной. Обе эти характеристики, согласно Фуделю, «есть признак, что молитва, как жизненная сила, начала входить глубоко в душу, точно воды моря и прорытый канал. В том и цель начального молитвенного обучения, чтобы многовидность просьб и количество слов, при одновременном сохранении или даже увеличении времени молитвенного стояния, постепенно рассеивались, как туман при восходе солнца»³¹.

Особое значение непрестанной Иисусовой молитвы обуславливает и особо внимательное и осторожное отношение к ней. С.И. Фудель предостерегает от поспешности в искании сокровенной молитвы без достаточного на то смирения и любви, поскольку полагает, что подход к этой молитве осуществляется христианином в течение всей его жизни по исполнению евангельских заповедей. Смирение и любовь оказываются непременными спутниками Иисусовой молитвы: «Всю силу своего учения о сокровенной молитве отцы направляют на то, чтобы воспитать в учениках своих, то есть у всех христиан, ясное понимание духовного существа и

³⁰ Там же. С. 303.

³¹ Там же. С. 318.

смысла молитвы: смирения и любви. Смирение в молитве плачет, а любовь обретает свет Божественный»³².

Завершение христианского пути, которое понимается как полнота стяжания Святого Духа, обожение, обретение Царства Божия на земле святыми, при всей своей запредельности вполне достижимо. Более того, по убеждению отечественного христианского мыслителя С.И. Фуделя, знание этого завершения необходимо и доказуемо «тоской о благодатной вере. Озарения святых — это конечная веха, крайний указатель пути благодатной веры, и нам нужно знать его, чтобы мы, видя свет впереди себя, не заблудились, — не потеряли веру. Благодатная вера есть вера единства подвига и благодати, вера, осуществляющая духовную жизнь...»³³.

³² Фудель С.И. Путь Отцов. С. 352.

³³ Там же. С. 358.